

Проблемы перевода в лингвокультурном аспекте

Л.И. БОГАТИКОВА

В статье рассматриваются проблемы перевода в лингвокультурном аспекте, объясняются трудности перевода, связанные с различиями между разными языковыми системами, обусловленными культурными особенностями и представлениями о предметах и явлениях реального мира. Анализируются данные культурно-языковые различия, исходя из позиций национально-культурных особенностей восприятия, интерпретации и оценки окружающей действительности. Проводится сравнительный анализ способов и моделей перевода, доказывающаяся эффективность использования ситуативной модели перевода.

Ключевые слова: перевод, культурные различия, способ перевода, ситуативная модель перевода, языковая система, интерпретация, восприятие действительности.

This paper considers the issue of translation based on the cultural peculiarities of perception, interpretation and assessment of environment and reality awareness. The language and cultural differences as well as of translation methods that should be taken into account while translating from the source-language into target language and vice versa are analyzed. The effectiveness of situational model of translation is proved.

Keywords: translation, cultural differences, translation method, situational model of translation, language system, interpretation, perception of reality.

Переводческая деятельность представляет собой довольно сложный процесс. Перевод не означает простой подбор соответствующего эквивалентного значения слов или использование дословного перевода, который наиболее приемлем лишь при передаче терминологических значений, т. е. терминологии. К тому же не всегда возможен подбор эквивалентного значения и адекватная передача целого смысла предложения. Это объясняется наличием существенных различий в языковых системах, хотя на первый взгляд можно заметить и ряд некоторых универсальных языковых явлений и значений. Эти различия проявляются как в грамматическом, так и лексическом строе языковой системы, включая и прагматический аспект.

Особенно трудными для перевода являются такие специфические грамматические явления, отсутствующие в русском и белорусском языках, как, Complex object (сложное дополнение) в структуру которого входит местоимение в объектном падеже или существительное в общем падеже и глагол / причастие, а переводится на русский язык придаточным предложением с союзами *чтобы* и *как*, что весьма непривычно для представителя русскоязычной культуры и непонятно, почему так говорят представители англоязычной культуры, например:

I want you to send me a message. – Я хочу, *чтобы* вы прислали сообщение.

I saw him enter the room. – Я видел, *как* он вошел в комнату.

I saw him entering the room. – Я видел, *как* он *входил* в комнату.

Еще более непонятным для будущего переводчика является грамматическое явление Complex subject (сложное дополнение), структура которого усложняется тем, что в нее входит две части подлежащего – существительное / местоимение и инфинитив, между которыми находится сказуемое:

He was thought to be honest and kind. – Его считали честным и добрым человеком.

She is sure to be asked about it. – Ее наверняка об этом спросят.

Не поддаются пониманию и, соответственно, переводу некоторые видо-временные формы глагола, а также неличные формы инфинитива и причастия, наиболее специфичные для английского языка.

Окружающая действительность в восприятии и понимании времени и пространства представителя англоязычной культуры делится на более мелкие отрезки времени (отсюда возникают такие временные формы, как формы совершенного, длительного, длительного совершенного вида), а пространство представляется в другой системе измерения (в милях, футах, ярдах, акрах, фунтах, галлонах и проч.). Таким формам при переводе на русский язык

невозможно найти соответствие, и поэтому обычно используется прием внутреннего членения с использованием придаточного предложения или отдельным предложением, особенно, когда в английском предложении встречается перфектная форма инфинитива или пассивная:

They are glad to have come. – Они рады, что пришли.

В этом предложении перфектная форма инфинитива переводится прошедшим временем, чтобы подчеркнуть, что действие уже произошло.

The workers went on strike to be arrested by the police. – Рабочие устроили забастовку и были арестованы полицией.

В данном предложении пассивная форма инфинитива переводится так же, как и в английском языке, страдательным залогом отдельным предложением.

Что касается лексического строя языковой системы, следует отметить, что языковая эквивалентность не является абсолютной, поскольку она обусловлена культурными представлениями, т. е. слово как единица языка соотносится с неким предметом или явлением реального мира [1, с. 56–60], образы которых в языковом сознании индивида могут быть совершенно разными. Так, например, образ дома в сознании эскимоса будет представлен в виде куполообразной снежной хижины, сделанной из снежных или ледяных блоков; для китайца – в виде деревянного дома с изогнутой крышей, раздвижными дверями и рулонными шторами из бамбука; для англичанина – это коттедж – дом, который имеет крышу со множеством скосов, с кровлей из черепицы, с крутыми скатами и обязательным дымоходом; вдоль стен дома всегда высаживаются вьющиеся растения; в отделке фасадов чаще всего используется камень и штукатурка. Несмотря на то, что сейчас в нашей культуре, в основном, все живут в квартирах в многоэтажных домах, как показал опрос, в сознании белорусского студента образ дома – это одноэтажное небольшое здание, часто окруженное забором, с двускатной крышей, с трубой, из которой вьется дым.

Как видим, в каждой культуре, несмотря на универсальность объективного мира и явлений, национально-специфическая составляющая занимает большую часть и играет очень важную роль в языковом сознании индивида.

Исследователи-лингвисты отмечают, что слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различием истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания [1, с. 40]. Именно язык реализует, вербализует национальную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Язык фиксирует не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все. Поэтому представители разных культур воспринимают, понимают и интерпретируют окружающую действительность по-разному, чем и объясняются различия в культурных и языковых картинах мира.

В каждом языке как зеркале культуры встречаются так называемые безэквивалентные (*official family, money laundering, hard sell, Wedgewood, parking ticket, big wig; узба, далёкий хутор на Урале, навой поплыла, маршрутка, «автомат»* и др.) и лакунарные слова (*bank – shore, dottle* (остаток недокуренного табака в трубке), *stillbirth, househusband, barrister*), которые наиболее ярко отражают особенности данной культуры, жизни и быта народа, его ценности, их языковую и культурную картину в целом.

Наличие безэквивалентной и лакунарной лексики обусловлено особенностями восприятия действительности представителями разных культур и отражением этого восприятия в языке и конкретно в слове. Следует также отметить разную языковую вербализацию определенного предмета, концепта в разных культурах, который может не только обозначаться разными словами, но также и вызывать разное представление о нем у представителей разных лингвокультур (возьмем, к примеру, концепты «дом», «стол» и др., что можно было видеть на примерах, данных выше). Иными словами, в лексике зафиксирован культурный компонент семантики слова. Адекватного и точного понимания и, соответственно, перевода безэквивалентной лексики можно достичь, только зная особенности восприятия и мышления представителей других лингвокультур.

Данные слова (безэквивалентная и лакунарная лексика) являются наиболее трудными для понимания и, конечно, для перевода, поскольку они специфичны и уникальны; они репрезентируют в языке представления о действительности, ее восприятие и интерпретацию. Для их перевода необходимо владеть фоновыми знаниями, причем разного характера: страноведческими, историко-культурными, этнокультурными, социокультурными, семиотическими и др., например, следующие слова и выражения невозможно перевести, не владея фоновыми знаниями:

backbencher – заднескамеечник – рядовой член парламента = член парламента, занимающий задние скамьи, т. е. член правящей партии, который не является членом кабинета министров, либо член оппозиционной партии, который не входит в состав теневого кабинета;

Wedgewood – фарфор и фаянс английской фабрики Веджвуд;

car boot sale / garage sale – распродажа вещей домашнего обихода из багажника автомобиля (на пустыре или в парке).

Еще больше трудностей в переводе вызывает наличие не только безэквивалентной лексики и лакун, но и большое количество выражений, которые на первый взгляд могут показаться вполне понятными, но, с другой стороны, трудно переводимыми. Ср.:

And when I was finished, all I was left with was an empty heart. – И когда я закончила, то у меня осталась лишь пустота в душе.

Но: *I am finished* в предложении *But I was not to be finished off so soon, though my hands were black and blue.* = Но я не собирался сдаваться / меня нелегко было сломить, хотя мои руки были в синяках.

I understand that the person who actually committed these crimes is dead. – Я так понимаю, тот человек, который в действительности совершал все эти преступления, мертв.

Но: *I am dead to the world* = I'm beat = *Очень устал; очень хочется спать*; отключился; спать без задних ног (досл. Я мертв для мира).

Конечно, в большой степени на определение значения слова и его перевод влияет контекст. Однако не всегда контекст может помочь правильно понять и перевести не только конкретные слова, но все предложение в целом. Особенно это касается различных указателей, объявлений, призывов, афиш, вывесок, которые хоть и помогают человеку ориентироваться в окружающей действительности, с одной стороны, с другой, – затрудняют их понимание, так как для них характерна клишированность, краткость, использование национально-специфических стилистических средств и приемов (метафор, метонимии, игры слов, рифмы и проч.).

No through road for motor vehicles.

Dogs must be carried.

Road up.

Situations vacant.

Для английского языка специфично наличие многосложных словосочетаний, в состав которых может входить не только 2–3 слова, но целые предложения; причем предложение в данном случае может служить определением одного слова:

He is a quick-to-take-offence man. – Он человек, который легко обижается.

It's a real end-of-the-world feeling. – Ощущение конца света.

There was a wouldja-mind-lettin-us-do-our-job undertone in his voice. – В его голосе звучал скрытый смысл: «Не мешали ли бы вы нам заниматься своей работой?», где слово *undertone* является определяемым, а предложение *wouldja-mind-lettin-us-do-our-job* – определением.

Не менее трудными для перевода представляются также и различные фразеологические единицы, основой которых является переосмысление всего лексико-грамматического состава или одного из компонентов. В связи с данной особенностью фразеологизмов, в частности, переосмысления, на которое накладывает отпечаток зависимость прикрепления культурных смыслов к фразеологической единице от особенностей восприятия и интерпретации действительности представителями данной лингвокультуры и ее вербализации в языке, перевод фразеологизмов представляет собой довольно сложный процесс. Невозможность вывести значение фразеологизма из совокупности прямых значений входящих в него слов свидетельствует о том, что перевод фразеологизмов совсем не так прост, как кажется на первый взгляд.

a dead letter – не применяющийся, но еще не отмененный закон, устаревший закон; письмо, не востребованное адресатом;

a dead-end job – бесперспективная работа, тупиковая должность;

a dead wire – обесточенный провод;

in high summer – в разгаре лета и др.

В переводческой деятельности выделяют различные способы (транскрипция, транслитерация, калькирование, переосмысление, грамматико-синтаксическое преобразование предложения, различные замены, добавления, опущения, антонимический перевод, описательный перевод и проч.) и модели (трансформационная, семантическая, коммуникативно-функциональная, информативная) перевода.

С лингвокультурологической точки зрения наиболее приемлема в таких случаях ситуативная модель перевода. Ситуативная (денотативная) модель рассматривает процесс перевода как процесс описания при помощи языка перевода той же ситуации, которая описана на языке оригинала.

Воспринимая текст оригинала, переводчик отождествляет составляющие этот текст единицы с известными ему языковыми единицами ИЯ и, интерпретируя их значение в контексте, выясняет, какую ситуацию реальной действительности описывает оригинал. После этого переводчик описывает эту ситуацию на языке перевода [2].

При использовании ситуативной модели процесс перевода осуществляется от текста оригинала к реальной действительности и от нее к тексту перевода [2]. Более того, В.Н. Комиссаров считает, что окружающая нас реальная действительность едина для всего человечества. Общность окружающего мира, биологической структуры, производственных и жизненных процессов у всех людей, независимо от их языковой принадлежности, приводит к тому, что все люди обмениваются мыслями, в основном, об одних и тех же явлениях действительности, и поэтому любая мыслимая ситуация может быть с одинаковым успехом описана с помощью любого развитого языка [2, с. 159]. Иными словами, любую ситуацию действительности, какими бы языковыми средствами она ни была репрезентирована в иноязычной культуре, можно передать средствами другого языка. Ср.:

Obstructing the door causes delay and can be dangerous. – Не прислоняйтесь к двери. – Заслонять дверь опасно.

Please, give up this seat if an elderly or handicapped person needs it. – Пожалуйста, уступите эти места пожилым и инвалидам.

Anyone interfering with the driver of this bus will be prosecuted. – Отвлекать водителя запрещено во время движения.

Do not alight from the bus whilst it is in motion. – Выходить из автобуса во время движения – запрещено.

Wet paint. – Осторожно – окрашено.

Fragile. – Осторожно – стекло.

No bill sticking. – Расклеивать афиши запрещено.

Как подтверждает ряд фактов и примеров, в переводе необходимо не только интерпретировать значение языковых единиц в оригинале по отношению к реальной действительности, но и учитывать, наряду с лингвистическим, и ситуативный контекст, поскольку без соотнесения с реальной действительностью невозможно понять даже самое простое речевое высказывание. Английское предложение *The table is on the wall* интерпретируется как «Таблица висит на стене», в частности, потому, что знание реальной действительности подсказывает коммуникантам, что из двух значений слова *table* – «стол» и «таблица» – в данном случае реализовано последнее, так как обычно столы на стены не вешают [2, с. 161]. Аналогично английское предложение *He answered the telephone* интерпретируется как «Он снял трубку», в частности, потому, что в реальной действительности обычно отвечают человеку, а не телефону.

Использование ситуативной модели дает возможность учесть все различия и сходства между языковыми системами разных культур и культурными представлениями о разных явлениях, событиях, фактах и ситуациях окружающей действительности, особенностях ее концептуализации и категоризации в языке. Следует согласиться с лингвистами, которые утверждают, что, подобно тому, как говорящие на одном языке способны идентифицировать одинаковые ситуации, описанные разными способами, так и билингвы-переводчики фактически признают речевые произведения на разных языках равнозначными на этом основании, прирав-

нивая их при переводе, несмотря на отсутствие соответствия между их компонентами [2, с. 57]. Данная модель наиболее эффективна в ситуациях, где встречается безэквивалентная лексика, где предполагается однозначный выбор перевода и когда перевод невозможен без анализа и интерпретации определенной ситуации действительности. Однако в ней имеется и ряд недостатков, таких, как возможность описания ситуации разными способами, ограниченность выбора лексико-синтаксических средств выражения содержания и организации высказывания рамками данной ситуации, а также знание того, что и как о ней сказано.

Таким образом, ситуативная модель перевода правильно отражает ряд важных сторон переводческого процесса и дает возможность объяснить те особенности выбора варианта перевода, которые связаны с обращением переводчика к реальной действительности и последующим ее описанием средствами языка перевода [2, с. 163]. К тому же, несмотря на некоторые недостатки, данная модель обеспечивает наибольшую эквивалентность и адекватность перевода.

Литература

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 264 с.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 04.05.2022